

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
Факультет иностранных языков и регионоведения

УЧИТЕЛЬ, УЧЕНИК, УЧЕБНИК

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ X ЮБИЛЕЙНОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES AND AREA STUDIES
INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SCHOOL OF MOSCOW UNIVERSITY
“PRESERVATION OF THE WORLD CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE”

DEPARTMENT
“COMMUNICATIVE MODALITY (CODES) AS A MEANS OF DEVELOPING YOUNG GENERATION HUMANICS
COMPETENCE”

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS
X Jubilee International Scientific Conference

*“Teacher. Student. Textbook
(in the Context of Global Challenges of Modern Times)”
19–20 November 2021*

*Dedicated to the 275th anniversary of the foundation of Lomonosov
Moscow State University*

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом
Moscow
2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
«СОХРАНЕНИЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ»

НАПРАВЛЕНИЕ

«КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДУСЫ (КОДЫ) КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕЛОВЕКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
X Юбилейной международной научно-практической
конференции

«Учитель. Ученик. Учебник
(в контексте глобальных вызовов современности)»

19–20 ноября 2021

Посвящается 275-летию основания Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом
Москва
2022

The study is devoted to the analysis of the use of the polymodal approach in the development of cultural and linguistic competences in the classroom within the framework of extracurricular activities. The analyzed educational and cognitive materials have been created and tested during the classes of «Entertaining onomastics» from 2018. Teaching methods are based on the use of not only visual and auditory channels of perception, but also kinesthetic one. Teaching techniques for face-to-face and remote interaction are considered separately.

Key words: polymodal methods, cultural competence, extracurricular activities.

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

О.А. Колыхалова

(Москва, Россия)

Научный исследовательский институт «Высшая школа экономики»

kolykhalova.o@mail.ru

А.Ю. Кулдошина

(Москва, Россия)

Автономная некоммерческая организация «Умназия»

kuldoshina.a.yu@gmail.com

Русские эмигранты оказали большое влияние на распространение русской культуры в британском обществе. Язык был связующим звеном, позволяя вначале сохранять культуру и идентичность. Была распространена литературная деятельность. Однако, чтобы быть услышанными, русские эмигранты должны были обращаться к англичанам на понятном им языке, учитывать широкую палитру британской культуры, что изменяло их идентичность.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, межкультурные контакты, идентичность, ассимиляция.

Введение

Определяющими факторами в отношениях между Россией и Англией на протяжении столетий были политические, экономические и коммерческие интересы, однако культурные и литературные связи, прямые контакты с интеллигенцией в 19 и 20 веках меняли отношения между государствами и народами. Этому не в малой степени способствовало появление в Лондоне русских эмигрантов, которые активно содействовали знакомству английских читателей с культурной и в первую очередь литературной жизнью России.

Русское искусство в Великобритании в первой половине 20 века

Русская литература не сразу нашла путь к английскому читателю, одной из причин был языковой барьер. Большую роль в пробуждении интереса к русскому искусству сыграли музыка, живопись и балет. Эти виды искусства переплелись в «Дягилевских балетах», которые гастролировали сначала в Париже, а потом в Лондоне и были очень популярны. Попытки Дягилева прославить русскую культуру увенчались огромным успехом, оказав влияние на британскую театральную культуру.

После смерти его наследие продолжили бывшие солисты «Русского балета»: Мари Рамберт основала «Балетный клуб» в Лондоне, а Дама Нинетт де Валуа создала «Сэдлерс-Уэллс балле», который позже получил государственный статус и стал именоваться Королевским балетом Великобритании. Влияние Дягилева на британскую культуру отразилось и в других областях, не связанных со сценой. Во время гастролей «Русского балета» в лондонском Колизее в 1920 году Дягилев разрешил британской художнице Лауре Найт рисовать танцоров за сценой, и она представила свои работы на выставке в Лондоне. В результате работой Найт вдохновились другие британские художники, которые стали участвовать в постановках. В целом, «Русский балет» был символом эмигрантской культуры: он адаптировался к культурам других стран, но при этом сохранил свою.

Интерес к «Русскому балету» пробудил интерес к литературе и театру. Роль Федора (Теодора) Комиссаржевского в популяризации русского искусства трудно переоценить. Он начал свою карьеру театрального режиссера в Москве, но наибольшего успеха достиг в Лондоне. Он стремился привнести русскую культуру на британскую сцену, прежде всего в своих постановках Чехова. Комиссаржевский был известен и новаторскими постановками пьес Шекспира. Его британские постановки получили огромное признание, а версия «Ревизора» Н.В. Гоголя с успехом шла в Вест-Энде. Его влияние на британский театр показывает, что русская классика оставалась на британской сцене, эмигранты отдавали ей предпочтение, пытаясь сохранять классическую культуру как часть своей идентичности, своего наследия.

Роль русской эмиграции в сближении двух культур

В это время стало переводиться самое большое количество произведений русской классики: в частности, произведения Толстого, Достоевского, Чехова, которые вызвали невероятный интерес не только к творчеству русских писателей, но к России в целом. В литературе англичане пытались найти ответы на русские вопросы, разгадать загадки русской истории, русского характера, «русской души». Вклад эмигрантов в популяризацию русской культуры огромен. Часто именно они своей деятельностью влияли на взгляды британского литературного сообщества о России.

Стоит отметить, однако, что количество русских эмигрантов в Великобритании после революции и Гражданской войны было далеко не так высоко, как в других странах, и не может сравниться с количеством русских, приехавших в Берлин, Париж или Прагу. До сих пор точно не установлено количество русских, перебравшихся в Великобританию после 1917 года. Можно лишь примерно предположить, что оно составляло около 10 000 человек (15 000 русских изгнанников, по другим сведениям) – совсем немного, учитывая, что общее количество эмигрировавших из России после октябрьской революции – примерно миллион (такие цифры предоставляет Джон Симпсон в исследовании 1939-го года Королевского института международных отношений) [Multanen, 2000: 6]. Дело в том, что политика в отношении иммигрантов в Британии резко сменилась с лояльной на строгую в начале XX века и особенно после Первой мировой войны. В законе 1920-го года, регулирующем вопрос иммигрантов (Aliens Restriction Order), не было даже пункта о предоставлении политического убежища, хотя правительство оставляло за собой возможность принять наиболее «достойных» кандидатов, таких как члены российской королевской семьи, аристократы, политики и ученые. Эти изгнанники были отнесены к категории «желанных иностранцев». «Особыми случаями» стали богатые русские, которые не были бы бременем для британского общества. Еще одним фактором разрешения столь небольшого притока русских изгнанников в Британию был страх перед большевизмом в британском обществе и британском правительстве. Союзные державы рассматривали большевизм как международную идеологию, которая угрожала европейской цивилизации. Таким образом, происходил серьезный отбор желающих обосноваться в Британии, что и сказалось на таком малом количестве российских беженцев.

Однако, если получить разрешение все-таки удавалось, британские власти предоставляли иммигрантам много прав и свобод [Multanen, 2000: 14]. В итоге община в Великобритании состояла из политических изгнанников, включая Павла Милюкова (министра иностранных дел Временного правительства в 1917 году), а также бывших российских аристократов и представителей российской монархии, интеллигенции, которые сыграли важную роль в сохранении русской культуры, участвуя в общественных мероприятиях и поддерживая церковь. Они пытались оставаться изолированными от британского общества, сохраняя двойственную идентичность, поскольку основная цель заключалась в подготовке к возможному возвращению в Россию после того, как большевики отойдут от власти. Однако этого не случилось. Когда стало понятно, что возвращаться некуда, многие достаточно быстро были вынуждены принять английский стиль жизни, натурализоваться, если хотели получить британское образование и возможность трудоустройства, хотя они и оставались частью сообщества «Россия за рубежом». Иммиграционная политика Великобритании в отношении к России и русским явно демонстрировала неприятие чужой культуры, стремление реформировать ее под свою.

Все эти факторы привели к тому, что небольшая община русских в Великобритании не сформировалась в крупный культурный центр. В других европейских странах русская эмиграция жила изолированной общиной. В своих воспоминаниях «Другие берега» В.В. Набоков писал: «За пятнадцать лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка. <...> Жизнь в русской колонии была так наполнена и насыщена, что у интеллигенции не было ни повода, ни времени для создания иных связей вне этого круга» [Набоков, 2020: 204].

В Англии все было по-другому: русские эмигранты должны были говорить по-английски (как в языковом, так и «понятийном» смысле [Казнина]), чтобы быть понятыми и услышанными английской аудиторией. Английская ментальность засасывала, подавляла русскую ментальность, хотя сознание своей миссии некоторое время жило в русской колонии в Англии (во многом благодаря ее связям с другими центрами, в особенности с Парижем). «Благодаря этому сознанию, русская эмиграция в Англии сыграла важную культурную роль в качестве посредника между английской и русской культурой. Английские читатели и писатели воспринимали русскую литературу и русскую жизнь через посредство русских интерпретаторов» [Казнина]. Именно их труды помогли англичанам воспринять другие жизненные и культурные ценности.

The Slavonic Review и литературное сообщество эмигрантов

Важным центром объединения русских эмигрантов и британцев, интересующихся Россией, был журнал *The Slavonic Review*. Это один из первых научных журналов по славистике в Великобритании. *The Slavonic Review* выпускался с 1922 по 1927, а в 1927 был переименован в *The Slavonic and East European Review* и выходит под этим названием до сих пор. В то время журнал издавался при Школе славистики Королевского колледжа (*The School of Slavonic Studies in the University of London, King's College*). Один из основателей журнала – Бернард Пэрс, английский журналист и историк. Он специализировался на русской истории и был профессором русской истории, русского языка и литературы в университетах Ливерпуля и Лондона. В 1907 году он основал первую в Великобритании *School of Russian Studies* в Ливерпуле [Beasley, 2013]. Б. Пэрс известен как пропагандист изучения русского языка и культуры в Британии: так, например, он работал с местными бизнесменами, чтобы проводить лекции по этой проблематике и организовывать стипендии.

The Slavonic Review посвящен вопросам России и Восточной Европы. В журнале публиковались научные статьи на исторические, социологические, философские и литературоведческие темы. В нем также выходили переводы русской поэзии, прозы, народных сказок, рецензии на новые издания по «русской теме». Журнал затрагивал и проблемы современной советской литературы, публикуя некоторых современных писателей и рецензии на их работы. Из публикаций в *The Slavonic Review* можно понять, какие писатели были особенно популярны среди британских славистов и русских эмигрантов. Наибольшее число статей посвящено Пушкину – с 1923 по 1938 г. в выпусках, доступных в онлайн-архиве журнала, находим 43 перевода его поэзии, 1 перевод сказки, а также 7 литературоведческих статей о писателе. Кроме Пушкина из поэтов в журнале публиковали переводы стихотворений А.А. Фета (целых 3 версии произведения «Шепот. Легкое дыханье»), А.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, К.М. Симонова. Такой интерес к поэзии можно объяснить, помимо физической невозможности печатать объемные прозаические тексты, важностью русской поэзии для изучения русского языка.

Одним из самых частых авторов журнала был князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, литературовед и критик. После участия в белом движении он эмигрировал в Лондон в 1922 году. Долгое время он читал лекции по русской литературе в Королевском колледже Лондонского университета. Принимал участие в выпуске многих журналов, посвященных литературе, в том числе журнала Т.С. Элиота *The Criterion*, редактировал эмигрантский журнал «Версты» [Струве, 1996: 62], а также печатался в журналах *Times Literary Supplement*, *The Listener*, *The Nation* и *Athenaeum* [Beasley, 2013]. Он написал известную книгу по истории русской литературы «История русской литературы с древних времен по 1925 год» (*A History of Russian Literature*, 1927), которую В. Набоков назвал лучшей историей русской литературы из когда-либо написанных на любом из языков. Также выпустил книгу «Современная русская литература» (*Contemporary Russian Literature*, 1926) и несколько антологий русской поэзии.

В эмиграции Святополк-Мирский перешел на сторону социалистов: написал книгу о Ленине (1931 год), а также статью в социалистической газете *Daily Worker* «Почему я стал марксистом» (1931 год). Просил у Горького содействия в возвращении на родину (возможно, из-за начавшегося охлаждения к России в Британии). В 1932 году он вернулся в СССР, а в 1937 году был арестован по подозрению в шпионаже и умер в ссылке через два года.

Пока он еще жил в эмиграции, Святополк-Мирский активно участвовал в продвижении и сохранении русской литературы. Например, он использовал свои связи, чтобы в 1926 году организовать чтение стихотворений Марины Цветаевой в Лондоне в Школе славистики. Из его переписки с Ариадной Тырковой-Вильямс, еще одной видной фигурой русского зарубежья, видно, как важно было для Святополка-Мирского помочь Цветаевой и распространить ее поэзию среди британского общества. «... она сейчас первый русский поэт, во всяком случае младшего поколения, и положение ее ужасное и безвыходное» [Smith, 1993: 484–485]. Он сокрушался, что поэзию Цветаевой не ценят в эмигрантских кругах и таким образом ее творчество забывается: «Я думал в данном случае о фактической судьбе Марины Цветаевой – о фактическом бойкоте ее всей эмигрантской прессой после короткого увлечения ей» [Smith, 1993: 486]. В *The Slavonic Review* также находим его публикации, посвященные Цветаевой.

С 1922 по 1931 год Мирский опубликовал целых 38 статей в *The Slavonic Review* – его имя можно встретить почти в каждом выпуске журнала. Он следил за выходом книг и исследований о русской и советской литературе и регулярно публиковал рецензии на них: например, *Recent Books on Pushkin and His Time* или *Tolstoy on Art* by Aylmer Maude.

После возвращения Святополка-Мирского на родину читать лекции по истории русской литературы в Высшей школе славистики стал Глеб Петрович Струве, еще один известнейший русский эмигрант того времени. Он также участвовал в белогвардейском движении и перебрался в Британию в 1919 году, где учился в Оксфорде. После нескольких лет путешествий по Европе в 1932 году он вернулся в Лондон, где прожил до 1947 года, а после уехал в США.

Струве, как и Святополк-Мирский, занимался исследованием русской литературы 19 и 20 века. Также он интересовался советским литературным процессом (1920–30-е гг.), что отразилось в его книге *Soviet Russian Literature* (Лондон, 1935), которая выдержала несколько переизданий с дополнениями. Исследование классической русской литературы также занимало Струве и связано, в первую очередь, с именем Пушкина: «... им

впервые были описаны пушкинские материалы из архива С.А. Соболевского в Британском музее, <...> сделан ряд наблюдений над переводами произведений А.С. Пушкина на иностранные языки» [Струве, 1996: 11].

Его статьи выходили в *The Slavonic and Eastern European Review* в основном уже после 1931 года – всего в архиве журнала находим 24 его статьи. Как правило, целью этих публикаций было познакомить читателей с современной русской литературой: Струве выпускал серию «Current Russian Literature», в которой рассказывал о творчестве Владимира Сирина (Набокова), Константина Федина, Юрия Олеши и других писателей.

Уже будучи в США, Струве опубликовал книгу «Русская литература в изгнании», где охарактеризовал особенности русской эмиграции и перечислил некоторых ключевых ее деятелей и основные журналы, оставившись на общинах Лондона и Парижа. Любопытное наблюдение: несмотря на то, что Струве долгое время жил в эмиграции в Великобритании и преподавал в Лондонском университете, он почти не упоминает русское сообщество эмигрантов в Британии. Единственный, про кого он говорит в этом контексте – это Святополк-Мирский, и то лишь потому, что тот участвовал в эмигрантской жизни не только Лондона, но и других европейских городов.

Иногда публиковалась в *The Slavonic Review* Ариадна Тыркова-Вильямс, одна из важнейших фигур эмигрантского сообщества Великобритании. Она была писательницей, журналисткой и политической деятельницей. Еще до революции она принимала активное участие в политической жизни страны: так, она была думским корреспондентом, членом кадетской партии и единственной женщиной в составе ЦК партии. После Октябрьской революции участвовала в борьбе с большевиками. Ей угрожал арест, и в 1918 году Тыркова-Вильямс уехала в Лондон вместе со своим мужем, Г. Вильямсом, одним из создателей и редакторов журнала *The Slavonic Review*. Тыркова-Вильямс была в числе основателей Комитета Освобождения России (*Russian Liberation Committee*), который помогал русским беженцам. Также она создала и редактировала журналы «Новая Россия» и «Русская жизнь» и принимала у себя дома многих соотечественников. В «Русской жизни», к примеру, печатались статьи Святополка-Мирского. Ее большим увлечением был Пушкин – в Лондоне она написала первый том биографии поэта, «Жизнь Пушкина», а второй дописала и издала уже в Париже.

В *The Slavonic Review* Тыркова-Вильямс не раз критиковала книги Святополка-Мирского о русской литературе – к примеру, издание «Русская лирика: маленькая антология от Ломоносова до Пастернака». Она признавала талант публициста, видела оригинальные мысли в его произведениях и поражалась, как Святополк-Мирский мастерски умеет сжато описать самые ключевые события литературы. При этом она не соглашалась с некоторыми выводами Мирского, считая часть его утверждений необоснованными: «But can a student or historian of literature claim the same liberty from rule and canon?» [Williams, 1924: 206]. Подобная критика и споры на литературоведческую тему говорит о том, что литературное сообщество эмигрантов в Великобритании имело близкие связи между собой и было по-настоящему активно.

Пушкин как связующее звено

Мы уже упомянули, что Пушкин занимал особое место в *The Slavonic Review*. Эта значимость Пушкина для журнала отражала общий интерес и внимание к поэту. Как мы увидим, Пушкин был важен как минимум троим заметным русским эмигрантам. В их статьях и книгах мы видим гордость за существование такого поэта и сожаление о том, что его произведения непереводимы на английский язык. «В изгнании, вдали от России, писатели-эмигранты, кажется, острее ощутили, что значит для всех русских людей Пушкин» [Тыркова-Вильямс, 2007: 18].

Интерес представляет статья Святополка-Мирского «Pushkin» во 2-м номере журнала от 1923 года. В ней Святополк-Мирский пытается объяснить, почему Пушкин не слишком интересен англоязычной публике несмотря на то, что на родине считается центральным именем в литературе. Автор высказывает предположение, что Пушкин недостаточно «русский»: известно, что он вдохновлялся многими английскими писателями: Байроном, Шекспиром, Вальтером Скоттом. Таким образом, Пушкин видится скорее как связующее звено между Россией и Европой, а не как самостоятельный русский поэт: «... he was obviously a link between Russia and the outer world, a focus concentrating all that was allowed to Russia of European civilization» [Mirsky, 1923: 76].

Читатели знают, что Пушкина часто характеризуют как «подражателя Байрона». Учитывая, что в начале 20-го века Байрон не являлся предметом большого интереса в Британии, не стоило ожидать и интереса к Пушкину. Кроме того, Святополк-Мирский утверждает, что переводы Пушкина на английский выполнены плохо и это «непереводимый» поэт: «If the average reader <...> will read an English translation of Pushkin – and be disgusted by the bad English verse he has read <...> He will find <...> something very polishedly European and not in the least exotic or psychoanalytic» [Mirsky, 1923: 71]. Пушкин, по его мнению, принадлежит к другому поколению русской культуры, не той, которая привычна и понятна европейцам: «Pushkin was of another Russia that the literature of the intellegensia: he belonged to another and to an essentially different age» [Mirsky, 1923: 72].

Глеб Струве опубликовал в *The Slavonic and East European Review* похожую статью: «Pushkin and His Place in Russian Literature» (44 номер журнала от 1937 года). Он как бы соглашается с выводами Святополка-Мирского о том, что Пушкин не вошел в пантеон мировой литературы. Струве также утверждает, что Пушкин непереводим на другие языки: «... shorn of his poetry, Pushkin ceased to be Pushkin» [Struve, 1937: 299]. К тому же за пределами России всегда было гораздо меньше людей, которые в состоянии прочесть его в оригинале и оценить его творчество (в отличие от произведений Гете или Данте), а следовательно, он менее интересен

читателям: «... there are few people, especially among the writers and critics of higher caliber, capable of reading and appraising him in the original» [Struve, 1937: 299]. Сходные мысли мы находим и о недостаточной «оригинальности» и «экзотичности» Пушкина: европейский читатель хочет прочесть что-то по-настоящему «русское», а поэзия Пушкина слишком космополитична: «... his contribution to literature was not specifically Russian, not sufficiently "original" or "exotic"» [Struve, 1937: 300].

Мы уже упоминали о большой любви Тырковой-Вильямс к Пушкину. Она начала работу над его биографией в 1918 году, когда познакомилась с архивом поэта. Она признавалась, что «... счастливейшими днями моей жизни были те десять лет, которые я провела в "обществе Пушкина"» [Тыркова-Вильямс, 2007: 19]. Пушкин ей казался антиподом современной России. Она с отвращением писала о социалистах, о политическом положении России и добавляла: «... если Россия возродится, он [Пушкин] ей нужен. Если нет – пусть книга о нем будет могильным памятником, пусть она говорит о том, какие возможности были в русской культуре, что похоронили такие "товарищи"» [Тыркова-Вильямс, 2007: 20]. А к 100-летию со дня смерти Пушкина в Лондоне учредили Пушкинский комитет и прошли Пушкинские дни, во многом благодаря инициативе и усилиям Тырковой-Вильямс. К 1937 году она дописала двухтомник о жизни поэта – работа прекращалась на несколько лет после смерти мужа. Из писем Тырковой-Вильямс мы видим, как много радости ей доставляло писать о Пушкине: «Для меня биография Пушкина и школа, и откровение, и отдых, и неиссякаемый запас русского духа» [Тыркова-Вильямс, 2007: 21]. А вот что она написала в 1928 году в предисловии к первому тому: «Мне было очень трудно писать о Пушкине. И очень радостно. Ощутить, впитать в себя очарование, излучающееся от гениальной личности – великая радость» [Тыркова-Вильямс, 2007: 30]. Биография написана ярким, живым языком – это так называемая беллетризованная биография. Тырковой-Вильямс важно было показать и эпоху, в которую жил поэт, и его характер, отразившийся в произведениях.

На примере этих статей и книги мы видим, насколько был важен для эмигрантов родной язык как способ сохранения своей культуры, как способ сберечь литературу. Пушкин предстал символом утраченной русской культуры, которой эмигранты были лишены вдали от родины.

Заключение

Русские эмигранты, искавшие убежища и культурной свободы в европейских столицах, в том числе в Лондоне, считали своей миссией сохранить великие традиции русской культуры 19 и 20 веков, а также предложить их модернистское, экспериментальное, творческое продолжение. Кроме того, стремясь сохранить свою русскую идентичность, они выступали посредниками между двумя культурами. Именно их труды помогли англичанам воспринять русскую литературу и русскую жизнь. В этом и заключается их важнейший вклад в культурное наследие двух стран.

Литература

- [1] Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья // Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 11–62.
- [2] Казнина О.А. Русские эмигранты в Великобритании начала XX века [Электронный ресурс] / История российско-британских культурных связей. Авторские материалы и цитаты. URL: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr7.htm> (дата обращения: 24.10.2021).
- [3] Набоков В.В. Другие берега : автобиография. М.; Берлин. Директ-Медия, 2020. С. 204.
- [4] Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: В 2т. Т. 1, 1799–1824. 6-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1064). С. 18–30.
- [5] Ariadna Williams. Reviewed Work: Russkaya Lirika: Malenkaya Antologiya ot Lomonosova do Pasternaka. (Russian Lyric Verse. A Short Anthology from Lomonosov to Pasternak) by Prince D. Svyatopolk Mirsky [Электронный ресурс]. // The Slavonic Review. Vol. 3, No. 7 (Jun., 1924), pp. 205–207. URL: <https://www.jstor.org/stable/4201836> (accessed: 24.10.2021)
- [6] Beasley R. Reading Russian. Russian Studies and the Literary Canon [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Editors Rebecca Beasley and Philip Ross Bullock. Oxford: Oxford Press, 2013. URL: <http://proxylibrary.hse.ru:2245/view/10.1093/acprof:oso/9780199660865.001.0001/acprof-9780199660865-chapter-10> (accessed: 24.10.2021).
- [7] Mirsky D.S. Pushkin [Электронный ресурс] // The Slavonic Review. Vol. 2, No. 4 (Jun., 1923), pp. 71–84. URL: <https://www.jstor.org/stable/4201688> (accessed: 24.10.2021).
- [8] Multanen E.H. British Policy Towards Russian Refugees in the Aftermath of the Bolshevik Revolution. University College London, 2000. Pp. 6–14.
- [9] Struve G. Pushkin and His Place in Russian Literature [Электронный ресурс] // The Slavonic and East European Review. Vol. 15, No. 44 (Jan., 1937), pp. 298–304. URL: <https://www.jstor.org/stable/4203233> (accessed: 24.10.2021).
- [10] Smith G.S., Mirsky D.S. and Ariadna Tyrkova-Williams. D.S. Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926), with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924) [Электронный ресурс] // The Slavonic and East European Review. Vol. 71, No. 3 (Jul., 1993), pp. 482–489. URL: <https://www.jstor.org/stable/4211302> (accessed: 24.10.2021).

RUSSIAN ÉMIGRÉ IN BRITAIN: THE ROLE IN CONSOLIDATING CROSS-CULTURAL CONTACTS

O. Kolykhalova

(Moscow, Russia)

National Research Institute Higher School of Economics

A. Kuldoshina

(Moscow, Russia)

Autonomous Non-commercial Organization "Umnazia"

Russian émigré significantly popularised Russian culture in Britain. At first, the language allowed to maintain culture and identity. The literary activity was widespread. However, to be heard, Russian émigré had to address Englishmen in the language they understood and consider British culture's broad palette, which altered their identity.

Key words: emigration, Russia abroad, cross-cultural contacts, identity, assimilation.

«СВЕРХЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ» КАК РЕЗУЛЬТАТ РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

И.Л. Кукурян

(Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ikukurian@mail.ru

Изучение английского языка на продвинутом этапе предполагает совершенствование не только в грамматическом и лексическом оформлении высказывания, но и в правильном использовании дополнительных модальных средств. Статья посвящена неоправданно частому использованию "of course" русскими студентами для выражения модального значения одобрения и подтверждения.

Ключевые слова: модальность, интерференция, преподавание, английский язык.

Обучение иностранному (английскому) языку на продвинутом этапе (уровень C1-C2) требует особого внимания к выработке у студентов навыков правильного выражения модального значения высказывания. Предполагается (в идеале), что студенты, поступившие на языковые специальности, уже освоили «азы» английской грамматики и овладели достаточным лексическим запасом, чтобы грамматически и лексически правильно сформулировать свою мысль.

Тем не менее, на обозначенном этапе освоения английского языка на передний план выходит не менее (а, возможно, и более) важное умение правильно выразить свою эмоцию, свое отношение к тому, что говорится. Спектр модальных возможностей должен быть расширен за счёт не только и не столько модальных глаголов, хотя и их точное употребление требует внимательной отработки. Оттенки модальности передаются зачастую уместным использованием наречий, характеризующих действие, или прилагательных, характеризующих используемые существительные, что в устной речи может требовать и особого интонационного оформления.

Должное внимание необходимо уделить «контролю» выражаемой эмоции, поскольку зачастую изучающие склонны рассматривать эмоции как универсалии, единые, по крайней мере, для представителей европейской (западной) цивилизации. При взаимодействии русской и английской лингвокультур это в большинстве случаев не совсем так. Русские студенты, говорящие по-английски без ощутимых ошибок в произношении, словоупотреблении и грамматике, представляются англоговорящему собеседнику «почти равными» им самим в плане точного выражения мысли. Но незнание или пренебрежение различиями в модальном оформлении высказывания может приводить к существенным нарушениям коммуникативного процесса.